

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М.И. ИЗБРАННОЕ: РУССКАЯ ФАБРИКА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. М.: НАУКА, 1997. 735 с. (СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»)

Это восьмое издание классического труда М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Первое издание вышло в 1898, второе – в 1900, третье – в 1907, четвертое – в 1922, пятое – в 1926, шестое – в 1934, седьмое в 1938 году. На исходе прошлого века книга активно обсуждалась представителями всех направлений общественно-политической мысли. «Русскую фабрику» хорошо знают и за рубежом – она была переведена на иностранные языки. В 1970 г. Очередное издание книги вышло в США в серии «Экономическая классика».

В редколлегию рецензируемого издания входят Л.И.Абалкин, Г.Н.Сорвина, Д.М.Туган-Барановский, Н.К.Фигуровская, А.А.Назаров, В.П.Седнев, А.С.Фалин, В.А.Погребинская, Д.А.Блесков. Им удалось подготовить не просто очередное переиздание к столетнему юбилею книги, а том, который действительно заслуживает заглавия «Избранное». Кроме основного текста «Русской фабрики» в книгу входят две статьи Туган-Барановского «Фабричная промышленность» и «Очерк развития мануфактурной промышленности в России», в приложении опублико-

ваны отрывки из произведений, на которые особенно часто ссылался Туган-Барановский, а также фрагменты работ его оппонентов из народнического лагеря.

Книга открывается обстоятельным биографическим очерком о жизни Туган-Барановского, написанным его внуком – известным российским историком Д.М. Туган-Барановским. Книга оснащена добротным вспомогательным аппаратом: подробными комментариями и иллюстрациями.

«Русская фабрика в прошлом и настоящем» до сих пор остается фундаментальным и увлекательным исследованием истории мануфактуры, фабрики, кустарных промыслов и индустриализации до-революционной России.

Изложение истории русской фабрики Туган-Барановский начинает с рассмотрения торгового капитала в Московской Руси и привлечения его Петром Первым к созданию крупной мануфактурной промышленности в России. На протяжении всего восемнадцатого века автор детально прослеживает эволюцию взаимоотношений основных общественных классов – дворянства, купечества и крестьянства в процессе становления российской фабричной промышленности.

Особую часть работы составляет исследование русской фабрики от начала девятнадцатого века до отмены крепостного права. Специальная глава посвящена развитию отдельных отраслей промышленности в дореформенной России — хлопчатобумажной, полотноткацкой, железодельной; процессам концентрации и деконцентрации фабричного производства.

В двух последующих главах Туган-Барановский рассматривает эволюцию таких различных по своему социально-экономическому статусу промышленных заведений как фабрика с наемным трудом, вотчинная и посессионная фабрика.

Две главы “Волнения посессионных фабричных рабочих” и “Дореформенное фабричное законодательство” посвящены анализу взаимоотношений владельцев фабрик и их работников, роли государства в регулировании социальных трудовых конфликтов в российской дореформенной промышленности.

Глава “Заработная плата” в основном посвящена анализу такого любопытного феномена как высокий уровень платы фабричных рабочих в николаевской России по сравнению с европейскими странами и, в частности, Германией.

Не менее любопытный феномен рассматривается и в главе “Фабрика и кустарная изба”. Здесь автор филигранно разбирает насколько непросто и неоднозначен процесс взаимоотношений между “крупным” и “мелким” производством; как при определенных исторических условиях кустарная промышленность может возникать под влиянием фабрики, а потом даже успешно с ней конкурировать.

Завершает исследование промышленности дореформенной России глава “Отношение общества и литературы к фабрике”. Взгляды протекционистов и фритредеров александровской эпохи, славянофилов, западников и бюрократов николаевского времени в их взаимосвязи, полемике, противоречиях автор воспроизвел развернуто и точно.

Вторая часть книги — “Пореформенная фабрика” посвящена эволюции отечественной промышленности от отмены крепостного права до конца XIX века. Формальная структура изложения второй части схожа со структурой части первой. Сначала идет глава, характеризующая развитие фабричной промышленности в пореформенной России. Далее — глава об эволюции пореформенного фабричного законодательства, потом — глава об эволюции заработной платы. Особая глава посвящена обострению соперничества между фабрикой и кустарем в последние десятилетия XIX века, при котором, в отличие от доминирования кустарничества предшествующей крепостной николаевской России, обнаруживается явный перевес в пользу фабричного производства России капиталистической. И завершает вторую часть и книгу в целом глава “Отношение общества и литературы к фабрике в новейшее (для автора книги. — А.Н.) время”. Здесь, как и в первой части, рассматриваются дебаты между фритредерами и протекционистами. Суммируется мнение знаменитых журналов эпохи “Современник” и “Отечественные записки”. Но главное внимание, конечно же, уделено описанию идеологии народничества, его последующей критике и обоснованию марксистских положений и прогнозов самого автора — одного из наиболее одаренных и видных российских марксистов своего времени.

Что может почерпнуть современный читатель из книги Туган-Барановского, кроме широкомасштабной и тщательной историко-экономической хроники — одного из замечательных образцов академического стиля эпохи расцвета исторической школы, классической политэкономии и неокантианства? Нашему современнику будет интересно обратить внимание на ряд историко-социологических парадоксов, которые зафиксировал и описал Туган-Барановский, по-видимому, сам до конца не осознававший, насколько актуальными и живучими они окажутся сто лет спустя.

Эти парадоксы приходили и приходят в противоречие с суждениями здравого смысла об историко-экономических основах социальной структуры России. Перечислим такие основные общепринятые суждения, которым факты и доказательства Туган-Барановского дают совершенно иное освещение и понимание. Начнем с *“торгового” (рыночного)* и *“натурального” (нерыночного)* обмена в социально-экономической структуре России. До сих пор расхожее мнение полагает, что на протяжении всей истории России, натурально-хозяйствующей страны, ей не хватало именно *“рынка”*. Далее: где-то к 1913 г., а затем при НЭПе что-то стало с рынком налаживаться, да так все с коллективизацией-индустриализацией и заглохло... Туган-Барановский писал свою книжку до *“13-го года”*, он не дождал до *“НЭПа”*. Но историю русской фабрики Туган-Барановский начинает отслеживать еще со времен предпетровской – времен XVII столетия – Руси. Собрав и процитировав источники XVIII века, мнения политэкономов, историков поздних времен, автор пришел к следующему выводу: *“Русские ремесленники... все изготавливают для продажи... Очевидно, в организации русского мелкого производства была особенность, не встречавшаяся на Западе, и потому бросающаяся в глаза западноевропейцу. Этой особенностью являлось выдающееся значение в нашем мелком производстве торговца, купца... Всех иностранцев, приезжавших в XVII веке в Москву, поражало развитие торговли в этом городе и вообще склонность русских к торговле. Об этом подробно говорит Косомаров: “По свидетельству иностранцев, русские чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывавшие у нас послами, удивлялись, что в России все важные лица без изъятия... занимаются торговлей (как чиновники в современной России. – А.Н.)” То же самое говорит и Кильбургер (шведский дипломат XVII века. – А.Н.): “Все жители Москвы, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю; в Москве более лавок, чем в Амстердаме или даже в целом ином государстве...”(с. 78-79).*

Другой парадокс, который и во времена Туган-Барановского, и сегодня дает повод для дискуссий – это проблема *“искусственного”* и *“естественного”* в социальных отношениях. В XIX веке много говорили об *“искусственном”* происхождении русской фабричной промышленности, насажденной прихотью царя Петра. Туган-Барановский показал, что петровская *“индустриализация”* явление ни более и не менее искусственное, чем все остальное в социальном мире. Значительные торговые капиталы уже имелись в московском государстве, и Петру лишь оставалась *“казенным способом”* направить их в русло формирования крупного промышленного капитализма. На возражение, что сама такая царская поддержка и есть искусственность, Туган-Барановский резонно отвечал оппонентам: *“...не существует ни одной страны в мире – на Западе или на Востоке, все равно, – где капитализм развился бы без деятельной поддержки правительства. С этой точки зрения капитализм развился “искусственно” повсюду, где он процветает, – в Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах и т. д. Остается одно из двух: или признать, что капитализм во всем мире есть явление “искусственное”, или оставить праздный разговор об искусственности и естественности”* (с. 84). Ссылаясь на едкие замечания Маркса о наивности буржуазных экономистов, противопоставляющих *“естественность”* буржуазных отношений *“искусственности”* феодальных обычаев, автор книги отмечает особенность дискуссии *“естество versus искусственность”* в России, где в отличие от Европы патриархально-крепостническая экономика большинством интеллектуалов своего времени воспринималось как дело *“естественное”*, а развитие капитализма, наоборот, как явление *“искусственное”*. Хотя Туган-Барановский не претендует на самостоятельность в этой дискуссии, ссылаясь на позицию Маркса, тем не менее, его конкретные замечания о соотношении традиции и инновации в обществе предвосхищают многие находки современных феноменологов с их *“конструированием социальной реальности”*.

Центральная апория всей книги Тугана-Барановского – соотношение *крупного* и *мелкого* в российском производстве. Эта тема до сих пор остается современной в социально-экономической науке. Были и есть сторонники крупных экономических форм. Существуют последовательные защитники мелкого производства. Хотя уже к началу XX века и сам Туган-Барановский в исследовании промышленности, и Чаянов для сельского хозяйства убедительно доказали, что проблема прогрессивности, эффективности, выгодности не разрешима в однозначной постановке вопроса “или поменьше – или покрупней?”. Дело заключается в оптимальном сочетании технических, природных, социально-экономических факторов, дающих в конкретных исторических условиях наибольший эффект. Или, как отмечал Туган-Барановский в статье “Фабричная промышленность”, “...для каждого рода производства существует свой *optimum* – такой размер производства, при котором производительность труда достигает своей наибольшей величины. До достижения этого оптимума всякое увеличение размера производства увеличивает производительность труда: когда оптимум достигнут, то дальнейшее увеличение размера производства ведет к падению производительности труда. На каком пункте находится тот предел (*optimum*. – А.Н.)... это в общей форме установлено быть не может и зависит от сложных технических и экономических условий каждого рода производства” (с. 527). Тем не менее до сих пор существует, особенно в России, почти “естественное” мнение о том, что “крупное” предпочтительней “мелкого”, что на протяжении всей истории общества между “крупным” и “мелким” идет борьба и в конечном счете “крупное” одолевает “мелкое”. “Русская фабрика” Туган-Барановского рисует гораздо более сложную и неоднозначную картину. Хотя сам автор как марксист конца XIX века, безусловно, с симпатией прогрессиста относится к развитию

“крупного” производства, но как объективный ученый он выделяет разнообразие темпов роста и типов взаимоотношений “крупного” и “мелкого”. Например, в XVIII веке, несмотря на в целом поощряемый российским правительством рост крупного (мануфактурного) производства, успешно развивается и мелкое (кустарное) производство. Самое главное – и мануфактура и кустарь мирно, без особых антагонизмов, уживаются друг с другом.

С первой половины XIX века до самой отмены крепостного права обнаруживается явное преобладание роста кустарного (мелкого) производства над вялым развитием фабричной (крупной) промышленности. Кустарная изба в николаевской России явно “побивает” фабрику. Озадаченный Туган-Барановский так описывает ситуацию: “... странным образом, развитие идет в совершенно обратном направлении сравнительно с предполагаемым обычно: развитие идет не от “самостоятельного” кустаря, через наемную домашнюю промышленность, к фабрике, а, наоборот, от фабрики, через наемную домашнюю промышленность, к самостоятельному кустарю” (с. 247). И лишь с отменой крепостного права, да и то не сразу, промышленный (машинный) переворот и вольнонаемный труд обеспечивают к концу XIX века существенные преимущества крупного перед мелким. Фабрика теснит кустаря.

В заключение вопроса о “крупном” и “мелком” подчеркнем ту их российскую специфику, которую обстоятельно описал Туган-Барановский. “Крупное” в России, со времен Петра, воплощалось в каких-то гипертрофированно “сверхкрупных” формах. Петровские крупные мануфактуры по своим размерам и числу превосходили даже европейские – английские и бельгийские предприятия. А через двести лет, в период бурного промышленного роста капиталистической России концентрация крупных предприятий ее тяжелой промышленности превосходила концентрацию тяжелой про-

мышленности даже самой динамично развивающейся капиталистической страны – Германии.

Наоборот, мелкое (кустарное) производство было не просто мелким само по себе, но еще к тому же слабо дифференцированным и специализированным с точки зрения разделения труда. Кустарное производство часто служило лишь подсобным промыслом крестьянского хозяйства, и даже ремесленники и фабричные в городах были основательно связаны с аграрным трудом через огородничество и отходничество.

Теперь о *подневольном* и *свободном* в истории русской фабрики. Основное изложение эволюции русской фабрики приходится на “подневольный” период протяженностью в двести лет крепостного права, лишь оставшиеся четыре десятилетия принадлежат относительно свободному развитию промышленности в пореформенной России. Периоды эти безусловно не обособлены друг от друга, более того, и “свобода”, и “неволя” существовали и до, и после 1861 года. Туган-Барановский показывает, насколько противоречиво сочетались и отстаивались фундаментальные социально-экономические формы и отношения в различных классах и сословиях России.

Например, царь Петр форсированно создает крупную промышленность – дело безусловно передовое, но в феодальной стране для этого трудно найти свободные рабочие руки. И тогда в эпоху Петра происходит великое закрепощение фабричного рабочего.

Дворянство еще во времена Екатерины защищает в борьбе с купеческими фабрикантами свободу крестьянской промышленности.

Отстаивание интересов фабричных рабочих и крестьянских кустарей уже не просто дворянами, а аппаратом царского правительства особо возрастает в николаевскую эпоху перед падением крепостного права. В первой половине XIX века, когда не существовало никакого фабричного законодательства, никакого объединения трудящихся по типу профсоюза,

кто последовательно отстаивал интересы рабочих перед фабрикантами в России? В основном, Министерство внутренних дел, отчасти губернаторы. Как признает марксист Туган-Барановский, “...министерству внутренних дел принадлежала инициатива многих важнейших законодательных актов, направленных к защите интересов рабочих” (с. 205). Министерство финансов больше прислушивалось к мнению капиталистов, но и то с серьезными оговорками. В этот же период заработная плата русских рабочих была нетипично высока для своего времени и по расчетам Гакстгаузена, на которого ссылается автор книги, заработок шуйского ткача в России был выше заработка ткача билефельдского в Германии.

Отмена крепостного права в России ознаменовалась событиями неожиданными для промышленности. Автоматического роста производства от невидимой руки свободнопредпримчивого рынка не последовало, зато заводы, ориентированные исключительно на крепостную рабочую силу (уральские, например) подверглись жесточайшему и продолжительнейшему социально-экономическому кризису. “Рабочий, получавший даровой провиант и все содержание от заводской администрации, которая удерживала его в повиновении... и понуждала к труду мерами крайней строгости, совершенно отвык от свободной деятельности и первое время после освобождения совсем потерял голову. Получивши возможность бросить тяжелую заводскую работу... рабочие целыми массами бросали заводы и переселялись в другие губернии...” (с. 315) – так характеризует состояние дел в уральской промышленности в первые годы отмены крепостного права Туган-Барановский.

Со свободой и неволей непосредственно связаны вопросы *прогрессивного* и *консервативного*. И здесь в хронике Туган-Барановского можно открыть много неожиданного. Мы уже упоминали о заботе Министерства внутренних дел в крепостной России о нуждах фабричных рабочих. Но и в социально-экономи-

ческой теории министерство, по крайней мере, в первой половине XIX века, занимало нетипичные для этого учреждения позиции. Его официальный орган "Санкт-Петербургский журнал" был главным проводником и проповедником... либеральных идей Адама Смита. Журнал называл Смита "великим человеком", которым "постигнута великая истина". Туган-Барановский приводит выдержки из полицейского журнала, излагающего учение великого шотландского экономиста: "Обязанность правительства весьма легка. Оно не должно действовать, ему надлежит только не вредить, ему должно только покровительствовать естественной свободе промышленности... Пусть оставит правительство все системы запрещения и одобрения; пусть не связывает оно промышленность постановлениями своими..." (с. 286). Далее Туган-Барановский показывает, что, как это ни странно, и дворянская, то есть земледельческая партия, в основном была сторонником фритредерства, наоборот, партия фабрикантов выступала за протекционизм и регламентацию. А в целом "складывалась своеобразная общественная теория, в которой симпатии к западноевропейским идеям (Смит, Сисмонди) соединялись с не меньшей преданностью таким национальным устоям, как крепостное право и натуральное хозяйство" (с. 296).

Ко времени и после отмены крепостного права произошла существенная перегруппировка теоретических позиций всех основных социально-политических направлений в России. Наконец, конституировалось влиятельное буржуазное течение (Вернадский, Горлов, Бутовский, Бунге), выступающее за скорейшее развитие капиталистических фабрик в России. Наоборот, радикальное течение, представленное зарождающимся народничеством (Чернышевский), выступает с идеями народного производства, базирующегося на артельно-семейной кустарной промышленности.

В книге Туган-Барановского достаточно образцов объективного анализа

сложных и неоднозначных факторов развития производительных сил России, проявившихся в истории становления русской фабрики. В отличие от своих осторожных и многомерных оценок прошлого, Туган-Барановский потрясающе оптимистично и однолинейно относится к будущему социально-экономическому развитию России. Свои виды на будущее он строит на противопоставлении двух достаточно общих и однозначных для европоцентристского времени конца XIX века категорий: "азиатство" и "капитализм".

Суть прогноза заключается в следующем суждении Туган-Барановского: "Азиатство", а отнюдь не недостаток рынка, мешает нам подвигаться столь же быстро по пути промышленного прогресса, как, например, Германия.

Но хотя "азиатства" еще очень много в русской жизни, все же мы — европейцы, и будущее принадлежит не "азиатству". Наша культурная отсталость уменьшается благодаря развитию того же капитализма. Никакие китайские стены не могут задержать проникновения к нам вместе с западноевропейскими формами производства и западноевропейской культуры. И поэтому наш прогноз таков: успехи русской капиталистической индустрии за последнее время являются только слабыми начатками того могущественного развития русского капитализма, которое предстоит в будущем" (с. 377).

«Русская фабрика» Туган-Барановского как в своих основательных оценках прошлого, так и в опрометчивых прогнозах остается фундаментальным научным произведением, культивирующим дух дерзкой лобознательности и интеллектуального смирения.

А.М. Никулин

кандидат экономических наук,
научный сотрудник
Московской высшей школы
социальных и экономических наук